

Старик Цюй, услышав это, задумался, а затем первым делом пригласил всех войти во двор, после чего отдельно обратился к Цюй Сыню:

— Старший четвертый, перестаньте с женой жить в доме семьи Мэн. Семья Цюй — это ваш корень. Не сердитесь на мать, скорее возвращайтесь домой, чтобы чужие не смеялись над нами.

Как мужчина, старик Цюй редко говорил с детьми по душам. В молодости, когда сыновья были еще маленькими, он лишь наказывал их палкой за проступки, а все разговоры оставлял старухе Цюй.

Услышав такие «мягкие» слова от отца, Цюй Сыню, хоть и чувствовал себя неловко, подумал, что раз отец так говорит, то, возможно, стоит на время вернуться с Хуэйнян, чтобы сделать вид, а потом снова вернуться в дом Мэн.

Когда Цюй Сыню уже собирался согласиться, Цюй И вдруг заговорил:

— Отец, только что мать сказала, что принесла что-то для деда и бабушки. Я видел, как она несла вещи.

Цюй И не хотел, чтобы отец соглашался на ненужные вещи, поэтому намеренно прервал его, найдя другое дело.

Когда Цюй Сыню с женой возвращались в дом Цюй, как дети, они должны были принести что-то для старших, нельзя было приходить с пустыми руками.

Услышав это, Цюй Сыню моргнул, словно что-то вспомнив, и сменил тему:

— Да, отец, мы с Хуэйнян принесли вам кое-что.

Сказав это, он повернулся и пошел за Мэн Хуэй, чтобы вместе разгрузить вещи с телеги. Среди вещей была одежда, которую Мэн Хуэй сшила для стариков, и несколько низких табуреток, сделанных Цюй Сыню из остатков материала.

Пока Цюй Сыню и его отец разговаривали, Лян Додао уже быстро занес вещи семьи Лян во двор. В этот момент отец Лян подошел к старику Цюй, чтобы обменяться любезностями:

— Уважаемый сват, это наша первая официальная встреча, и мы не успели подготовиться должным образом. Пожалуйста, примите эти скромные подарки и спасибо за то, что позволили такому хорошему мальчику, как И, войти в нашу семью.

Госпожа Чжуан велела Лян Додао привезти немало вещей, многие из которых были упакованы в большие коробки. Что внутри — никто не видел, но по виду изящных упаковок можно было понять, что подарки были ценными. Лицо старика Цюй стало более приветливым.

Старик Цюй изначально хотел поговорить с Цюй Сыню, думая, что его мягкий тон убедит сына, но не ожидал, что Цюй И прервет его.

Кроме того, он хотел дать отцу Лян «предупреждение», так как по возрасту он был старше, и именно отец Лян должен был первым заговорить с ним, а не наоборот.

Слова отца Лян, похожие на попытку сближения, успокоили старика Цюй. Он решил, что семья Лян заранее пытается угодить семье Цюй.

По мнению старика Цюй, их семья, хотя и не была такой богатой, как Лян, ни в чем им не уступала. Его младший сын и старший внук были замечательными, и все вокруг им завидовали.

Особенно старший внук, который уже сдал уездный экзамен в таком возрасте. Как говорят образованные люди, его будущее было многообещающим.

С тех пор как Цюй Яовэнь сдал уездный экзамен, старик Цюй и старуха Цюй слышали только похвалы.

Им говорили, что их сыновья послушны, невестки почтительны, а внуки умны. Глядя на лицо Цюй Яовэня, можно было сказать, что он счастливчик, и в будущем обязательно станет дипломированным учёным и займет высокий пост, а старость их будет благополучной.

Хотя позже старуху Цюй высмеивали из-за инцидента с Цюй Сыню, сам старик Цюй не пострадал, так как не ходил в уездное управление, и слухи не дошли до него. Он продолжал наслаждаться лестью.

Вспомнив это, старик Цюй с гордым видом сказал:

— Мы уже родственники, так что не стоит говорить пустых слов. Яовэнь и зять — оба образованные люди, да еще и свояки. В будущем они будут поддерживать друг друга.

После этих слов во дворе воцарилась тишина. Лица отца Лян и госпожи Чжуан стали странными, а Лян Каншэн и Цюй И переглянулись, сдерживая смех.

Цюй Сыню и Мэн Хуэй, вернувшись с вещами, не понимали, что произошло, и с любопытством смотрели на семью Лян и своего младшего сына, ожидая, что Цюй Цзян объяснит ситуацию.

Цюй Цзян не видел выражения лиц родителей. Он широко раскрыл глаза, не зная, стоит ли что-то сказать.

Старик Цюй тоже не понимал, в чем проблема. Он подумал, что, возможно, его слова были слишком сложными, и никто их не понял. Поэтому он откашлялся и объяснил:

— Свояки — это Яовэнь и зять. Зять женился на И, так что они стали братьями. Мы все одна семья, и в будущем, если у кого-то будут проблемы, мы решим их вместе. Вместе мы сильнее.

Цюй Цзян, который до этого сомневался, стоит ли указывать на ошибку старика Цюй, больше не выдержал и тихо сказал:

— Дедушка, слово «свояки» используется не так.

Лицо старика Цюй потемнело, и он отчитал Цюй Цзяна:

— Ты, малыш, не понимаешь, так что не говори глупостей.

— Правда, дедушка, «свояки» — это мужья двух сестер, а не зять и старший брат. И вы, наверное, хотели сказать «взаимопомощь», а не «поддержка волны».

Голос Цюй Цзяна стал громче, и все во дворе услышали его слова.

На самом деле все в дворе понимали, в чем дело, но никто не говорил, чтобы не ставить старика Цюй в неловкое положение. Однако он сам несколько раз поднял эту тему, сделал ситуацию еще более неудобной.

Старик Цюй услышал слова «свояки» и «взаимопомощь» от Цюй Яовэня. Ему казалось, что эти слова звучат изысканно и должны описывать хорошие отношения между братьями, как в деревне говорят «носить одни штаны».

Поэтому он иногда использовал их в разговорах, не подозревая, что употребляет их неправильно!

Его лицо покраснело от стыда. Старик Цюй никогда раньше не чувствовал себя так неловко, так как обычно говорил мало и у него не было возможности опозориться.

Вспомнив, как деревенские смотрели на него, когда он говорил о «свояках», старик Цюй начал подозревать, что все знали значение этих слов и смеялись над ним за спиной.

Благодаря «лишнему» объяснению Цюй Цзяна, Цюй Сыню и Мэн Хуэй, только что вошедшие во двор, тоже поняли, что произошло. Им стало неловко, но не из-за старика Цюй, а из-за своего невоспитанного сына.

Подойдя к Цюй Цзяну, Цюй Сыню слегка ударил его и отвел в сторону, поспешно сказав:

— Мы все одна семья, давайте зайдём в дом и поговорим.

Цюй Сыню начал, и отец Лян с остальными сделали вид, что ничего не произошло, последовав за ним в дом.

Старик Цюй остался стоять на месте. Он не хотел ни с кем разговаривать, а только мечтал зайти в дом и заткнуть себя за все предыдущие хвастовства.

Неловкость старика Цюй была очевидна для всех. Цюй Сыню, проходя мимо, взял его за руку и повел в главную комнату.

Цюй И и Лян Каншэн переглянулись, и, входя в дом, Цюй И тихо сказал Мэн Хуэй:

— Мама, мне нужно кое-что обсудить со вторым дядей. Он много помог мне перед свадьбой.

Мэн Хуэй знала, что перед свадьбой Цюй И чуть не повесился, но его спас второй дядя. Поэтому, услышав, что сын хочет поговорить с ним, она кивнула.

Разделившись с остальными, Цюй И и Лян Каншэн направились к комнате второй ветви семьи Цюй. По дороге они тихо обсудили, как лучше подойти к разговору.

В это время в комнате второй ветви Цюй Эрню поучал Цюй Даню:

— Старший брат, почему ты такой упрямый? При всех родители никогда не согласятся на твои просьбы.

Цюй Даню опустил голову и тихо сказал:

— Я просто хотел сказать, что третья и четвертая дочки слишком худые, и попросить мать давать им больше еды.

Цюй Эрню закатил глаза:

— Больше еды? Мать даст только грубую пищу. От нее не поправишься, а только раздует живот.

— К тому же, если есть больше, придется работать больше. Лучше сэкономить силы и больше спать.

Цюй Даню тихо возразил:

— Работу в доме пятый брат с семьей не делают. Если мы не будем работать, кто это сделает? Лучше есть больше, чтобы не голодать в свободное от работы время.

— Старший брат, я столько раз брал тебя с собой, а ты ничему не научился! — Цюй Эрню чуть не ударил его от злости.

С тех пор как они начали подрабатывать, Цюй Эрню старался показать старшему брату мир, надеясь, что тот станет более гибким.

<http://bllate.org/book/16698/1533655>